

графического характера¹⁷. Существенным дополнением к уже перечисленным достоинствам рецензируемого издания являются “Указатель личных имен, географических и этнографических терминов” (с. 152) и “Предметно-терминологический указатель” (с. 153), ограниченные терминологией, содержащейся в тексте трактата.

Завершая краткий обзор рецензируемого издания, хочется подчеркнуть, что высокое качество перевода в сочетании с энциклопедическими экскурсами в области военной истории, истории военного искусства и социальной истории, а также обширными филологическими выкладками, по своей глубине соответствующими статусу специального исследования, многократно увеличивают эвристический потенциал материала военно-научных сочинений подготовленных к изданию В.В. Кучмой.

В.А. Золотовский

Арутюнова - Фиданян В.А. “Повесть о делах армянских” (VII в.). Источник и время. М.: Индрик, 2004. 272 с. илл. и карта.

Новая книга В.А. Арутюновой-Фиданян, посвященная одному из немногих сохранившихся памятников армяно-халкидонитской литературы, находится на пересечении ее главных и давних творческих интересов: изучение армянской православной общины в Армении и странах византийского культурного круга¹ и исследование магистральных социо-культурных процессов в армяно-византийских лимитрофах².

Монография состоит из двух частей. Первая – собственно исследование источника и времени его создания (предисловие, три главы, заключение и резюме на английском языке), вторая содержит текст (критический текст по изданию Ж. Гаритта), перевод (впервые выполненный на русском языке) и обширный комментарий, а также указатели и иллюстрации.

Первая часть включает предисловие, три главы и заключение. Фундаментальный труд Ж. Гаритта³ рассматривается в монографии В.А. Арутюновой-Фиданян как итог трех столетий изучения “Повествования” (середина XVII – середина XX в.), а также возможность для дальнейшего исследования, но отнюдь не как его завершение⁴. Автор приводит краткий обзор рукописей, переводов, а также исследует основные проблемы, которым посвящен труд Ж. Гаритта (происхождение источника, личность автора (или редактора), дата создания и пе-

¹⁷ Обширные постраничные комментарии В.В. Кучмы существенно выигрывают на фоне единичных и крайне ограниченных пояснений размещенных Дж. Деннисом по окончании глав: *The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy*. 6 (p. 23), 8 (p. 27), 11 (p. 33), 12 (p. 37), 13 (p. 43), 14 (p. 47), 16 (p. 57), 18 (p. 61), 19 (p. 69), 20 (p. 71), 23 (p. 77), 25 (p. 83), 29 (p. 91), 40–41 (p. 121), 43 (p. 127), 44 (p. 129), 46 (p. 133), 47 (p. 135). “Общие места” комментариев В.В. Кучмы и Дж. Денниса, вызванные очевидной неизбежностью, обнаружены в рецензируемой книге лишь в четырех случаях (в главах III, XIV, XIX, XX), что еще раз подчеркивает значение пояснений и масштабность исследовательской работы проделанной В.В. Кучмой.

¹ В.А. Арутюнова-Фиданян предложила концепцию армяно-халкидонитской общины X–XI вв. в двух монографиях и десятках статей (Типик Григория Пакуриана / Введение, пер. и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978; *Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.)*. Ереван, 1980).

² *Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.)*. Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

³ *La Narratio de rebus Armeniae / Edition critique et commentaire par G. Garitte*. Louvain, 1952.

⁴ Именно это, как показывает исследовательница, и происходило с “Повествованием” в течение последних пятидесяти лет после публикации Ж. Гаритта (с. 12–13). К примеру перевод Р. Бартикяна сопровождается короткими ссылками и несколькими страницами предисловия, с отказом от исследования памятника, “так как замечательный труд Ж. Гаритта освобождал от этого” (*Бартикян Р.М. “Narratio de rebus Armeniae”* – армяно-халкидонитский первоисточник, дошедший до нас в греческом переводе // *Вестник Матенадарана*. 1962. № 6. С. 457–470 (на арм. яз.). Ср. также: *La Narratio de rebus Armeniae*. Traduction française par J.-P. Mahé // *REA*. 1994–1995. Т. 25. P. 429–438.

ревода “Повествования”, разделенные, по предположению бельгийского ориенталиста, несколькими столетиями, и круг источников, примыкающих к “Повествованию”), и намечает цели собственного исследования. Возвращение к “Nagatio” рассматривается в предисловии как возможность поставить новые вопросы тексту источника в свете новых публикаций и новейших культурологических методик и концепций, заново оценить его фактические данные, проанализировать сложный спектр общественно-политических и конфессиональных воззрений анонимного автора и выяснить имманентность “Повествования” социально-политическим, конфессиональным и культурным процессам в армяно-византийских лимитрофах VII в. (с. 9–16).

Глава I (“Источник и автор”) начинается с пересмотра значения арменизмов, собранных еще предшественниками Ж. Гаритта и им самим в качестве доказательств этнической принадлежности автора и существования армянского оригинала текста. В.А. Арутюнова-Фидания, еще раз скрупулезно изучив содержательные и формальные арменизмы, приспособленные греческих литер к армянской фонетике, введение в греческий текст армянских грамматических форм, удачную функциональную передачу армянских предлогов и лексем, выдвигает убедительную гипотезу о создании текста памятника в VII в. на “арменизированном” греческом языке, принятом в среде армян-халкидонитов. Особенно нагляден пример именовании Сюникского епископа Вртанеса и как епископа Сюника (§ 23), и как “епископа столпа” (§ 86), столп – на греческом языке ὀ στῦλος, а на армянском – սյուռ (сюн – Сюник). Исследовательница справедливо полагает, что подобная игра слов возможна только для автора и аудитории, одинаково хорошо владеющих и греческим, и армянским языками (с. 19–23). Гипотезу о греческом оригинале “Повествования” подтверждает анализ в монографии антимонофиситских инвектив и корпуса антимонофиситских сочинений из собрания рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, принадлежавших перу православных армян, адресованных армянской публике, но написанных на греческом языке (с. 23–27). В.А. Арутюнова-Фидания отмечает также многовековое употребление греческого языка в Армении (с. 27–32) и билингвизм грекофилов, широко распространенный в среде армянских интеллектуалов и в особенности среди армян-халкидонитов. Анонимный автор “Повествования” рассказывает о деятельной пропаганде антихалкидонитов, которых “не пожелали слушать” ни “ивиры”, ни “другие”, кроме тех, “которые говорили только на армянском языке”, т.е. армян-монофиситов, в то время как халкидониты на протяжении многих веков были билингвами (с. 31–36), а позднее пользовались и тремя языками (армянским, греческим и грузинским).

В § 2 главы I (“События и сюжеты”) автор рассматривает догматику армян-халкидонитов и приходит к выводу, что и автор “Повествования”, и его герои не были, вопреки мнению Ж. Гаритта, “униатами”, но православными сторонниками Вселенской церкви, так как ими не было выдвинуто никакой идейной основы для единения с монофиситами (монофелитства, например, как это имело место в Сирии и Египте) (с. 37–40). Исследовательница пишет и об истории противостояния халкидонитов и антихалкидонитов в Армении и отмечает, что VII в. являлся пиком влияния православных армян: три католикоса-халкидонита на патриаршем престоле Армении в течение второй половины VII в., церковное единение с Константинополем, распространение греческих обрядов (реакцией на эту ситуацию, очевидно, и стал определенный крен в сторону юлианитства). Скрупулезный источниковедческий анализ позволил исследовательнице установить внутреннюю связь между пассажами о Юлиане Галикарнасском и Иоанне Майрагомеци и раскрыть глубокий сюжетный пласт “Повествования” – антиюлианитскую полемику, актуальную для армян-халкидонитов доманазкертского периода (с. 41–50).

Тщательный анализ данных источника, их остроумная интерпретация дали возможность исследовательнице получить уникальные сведения об армяно-халкидонитской общине VI–VII вв., члены которой вели богослужение, читали и даже писали на греческом языке, были хорошо осведомлены о христологической борьбе в восточнохристианской церкви и принимали в ней активное участие. Халкидонитство было для них единственно “правой” верой, Армянская церковь являлась частью Вселенской церкви, а Армения – частью Византийской империи. Однако при этом они отождествляли себя со своей страной, с ее духовными ценностями и приоритетами. Историческое время Анонима начинается с пришествия Григория Просветителя, он упоминает династию Аршакидов и великий нахарарский дом Мамиконянов (с. 51–58). Это наблюдение имеет большое значение для понимания этно-конфессионального самосознания армян-халкидонитов раннего периода. В этот раздел входит и реконструкция личности автора “Повествования”, В.А. Арутюнова-Фидания считает, что “аноним – образованный и эрудированный богослов, широко информированный автор, который пользовался

архивными материалами католикосата. Он свободно владел двумя языками, но писал на греческом языке, который являлся своеобразной калькой армянского, понятном, очевидно, его соплеменникам-единоверцам” (с. 58–59).

Вторая и третья главы монографии посвящены решению задачи, поставленной в предисловии: выстроить «реконструкцию этнокультурного, политического, социального, конфессионального и интеллектуального контекста, в котором было создано “Повествование”, и сопоставить источник с текстами памятников как современной ему эпохи, так и армяно-халкидонитской традиции» (с. 16).

В главе II (“Армения и Византия в конце VI–VII в. Синтезная контактная зона”) исследовательница уточняет категориальные границы термина, утверждая контактную зону как органичную структуру со своими законами и своеобразием культурного облика (с. 63–66, 102).

В.А. Арутюнова-Фиданян отмечает, что Византийская Армения в VI–VII вв. – это земли, где наличествует: 1) общая с Византией территория, 2) общая государственность (при определенной автономии армян), 3) взаимодействие этносов (переливы населения), 4) культурное взаимодействие и где в результате появляются синтезные феномены в области политики, конфессии и культуры. Ключом, открывшим цельную картину общества в Византийской Армении VII в., оказалось предпринятое автором, новое по задачам и методам исследование “образа Византии” в армянской историографии VII в., которое обнаружило парадоксально позитивное (для периода экспансии) отношение к Византийской империи, противоречащее традиционно негативной модификации образа империи у современных исследователей. Автор показывает, что мышление в неадекватных средневековым терминах и понятиях и, кроме того, эмоционально окрашенный подход мешают исследователям увидеть цельную картину вновь возникавшей армяно-византийской общественной модели, где магистральные социокультурные процессы направлялись и определялись феноменами, сложившимися в результате синтеза. В конце VI в. большая часть армянских земель вошла в состав Византии, однако нахарарский строй оставался незыблемым. Армения стала единым политическим образованием в составе Византийской империи под управлением наместника (чаще всего из местных князей), назначаемого лично императором Византии.

Анализ источников, в особенности “История Армении” Себеоса, позволил автору прийти к заключению, что “греческое” войско, которым управлял наместник, состояло из армянской конницы и этерий феодалов, получавших ругу от империи, и собственно византийских военных контингентов, расквартированных на территории Армении. “Греческое” войско, таким образом, по ее мнению, – классический феномен синтезной контактной зоны. В.А. Арутюнова-Фиданян отмечает, что литературоведы и историки искусства, исследователи истории права и науки (космографии, географии, медицины и т.п.), философы и культурологи исследовали тесное взаимовлияние византийской и армянской культур в V–VII вв., которое привело к расцвету духовной жизни в Армении и появлению плеяды замечательных историографов, писателей, ученых, зодчих и живописцев⁵. Великолепный феномен “эллинофильской школы” также свидетельствует о зрелом синтезе культурных форм (с. 67–102). Исследовательница убедительно доказала, что армяно-византийская контактная зона VI–VII вв. являлась и кульминацией многовековых армяно-византийских отношений, и новой исторической реальностью, а “Повествование о делах армянских” – этапный для диалога двух культур произведение, типичное для армяно-византийской контактной зоны VII в., что можно считать ярким свидетельством аутентичности и точной датировки памятника (с. 139).

Глава III монографии посвящена компаративному анализу основных памятников армянской православной литературы. Рассмотрев “Послание к католикосу Захарии”, “Ширакаванское досье”, “Хнагреанк” Тиграна Пахлавуни исследовательница приходит к обоснованному выводу, что “Повествование” «является не только ярким свидетельством “сражений духа” в VI–VII вв., но служит точкой отсчета, прототипом и образцом для длинного ряда сочинений последующей армяно-халкидонитской традиции» (с. 135). Автор наглядно (приводя сопоставительные таблицы, с. 116, 126–129) показывает, что автор “Повествования” сознательно и последовательно связывает созыв Вселенских соборов с политической и конфессиональной историей Армении, а сочинения, относящиеся к более поздней армяно-халкидонитской традиции, следуют приоритетам, установленным Анонимом.

⁵ См. иллюстрации в монографии (кафедральный собор в Аване, Мастара, Аруч, Одзун, Звартноц, Талин, Птгни, Кармравор в Аштараке).

В.А. Арутюнова-Фиданян считает, что “Послание” к Захарии было подготовлено местной армянской халкидонитской общиной от имени патриарха Фотия (с. 106–118), очевидно, для того, чтобы освятить авторитетом Константинопольского патриарха планируемый этой общиной собор в Ширакаване, а материалы Ширакаванского собора были подготовлены также халкидонитами в то же время и в Армении. Она полагает, что нет достаточных оснований считать этот собор историческим фактом (с. 119–125).

Главный вывод этого раздела монографии состоит в том, что “Повествование о делах армянских”, “Послание” к Захарии, так же, как и “Ширакаванское досье” и “Хнагреанк” являются фактом не армяно-византийских (международных) церковных отношений, а феноменом внутренних коллизий между армяно-монофиситской и армяно-халкидонитской общинами в самой Армении и за ее пределами. В то же время “Послание” Псевдо-Фотия органично вошло не только в богословскую литературу, но и вообще в армянскую средневековую историческую традицию и в русло армяно-византийской богословской полемики (с. 126–130). Органичность использования имени Фотия, по наблюдению В.А. Арутюнова-Фиданян, в том и заключается, что именно в его время происходит значительная интенсификация армяно-византийских связей, государственных и конфессиональных. С именем патриарха Фотия связана активизация почитания Григория Просветителя в Византии. Автор выдвигает интересную гипотезу, что “Маврикий, Иракий, Фотий, Нана и др. – фигуры вполне реальные и реально участвовавшие в политической жизни и конфессиональной борьбе в Армении – становятся еще и символами, литературными персонажами, которые вводятся одной, а иногда и обеими сторонами как в историографию, так и в богословскую полемику” (с. 131). Вместе с тем, как показывает исследовательница, сочинения православных армян полностью вписываются и в общую армянскую богословско-историографическую традицию (VII–XII вв.), демонстрируя ту же повествовательную канву, хотя и с иными конфессиональными акцентами (с. 132).

Вторая часть монографии включает в себя текст, перевод и обширный комментарий (лингвистический, географический, просопографический, теологический и т.п.), ряд статей которого представляет собой краткие исследования: Григорий Просветитель (с. 203–209), Севир Антиохийский (с. 221–223), Юлиан Галикарнасский (230–232), Абдишо (с. 233–234) и т.п. Русский перевод текста “Повествования” выполнен исследовательницей тщательно и профессионально (с. 151–246)⁶.

⁶ В связи с этим приходится вспомнить недавно вышедшую статью Р. Бартикяна “По поводу книги В.А. Арутюновой-Фиданян” (АДСВ. Вып. 37. 2006. Екатеринбург). Это, разумеется, не рецензия, так как отсутствует анализ самой книги, ее целей, задач и выводов. Р. Бартикян не рецензирует, а стремится скомпрометировать монографию. Он с забавной скрупулезностью перечисляет все случаи совпадения и несовпадения пассажей из русского перевода В.А. Арутюновой-Фиданян и его собственного перевода на новоармянский и делает вывод, что это результат правильного или неправильного прочтения его перевода (рец. с. 125–136) (не латинского, не французского, а именно его). Если бы Ж.-П. Маэ занялся таким сравнением, то, возможно, и он нашел бы совпадения или отклонения от его французского перевода в русском, так как и Ж.-П. Маэ, и Р. Бартикян, и В.А. Арутюнова-Фиданян переводили один и тот же не слишком художественный текст, иногда одинаково, иногда по-разному его интерпретируя. Далее же Р. Бартикян утверждает, что она вообще текст не переводила, а сделал это П.М. Мурадян, “который, к сожалению, допустил ряд ошибок, между прочим, он путает времена глаголов... и залогов” (рец. с. 126). Фантазия рецензента беспредельна: я будто бы не только перевожу текст для книги, о подготовке которой понятия не имел, но еще и путаю времена глаголов и залогов родного языка. Р. Бартикян так и не смог точно определить, кто же использовал его новоармянский перевод. В статье Р. Бартикяна много и других странностей утверждений. Он приписывает В.А. Арутюновой-Фиданян концепцию Н. Адонца о том, что только в начале VIII в. Армянская церковь выработала собственную национальную политику. Он утверждает, что “Армения ни одного дня не была халкидонитской” (рец. с. 111 сл.) и объясняет появление “Повествования” заказом “неизвестного византийца” (рец. с. 118), игнорируя многовековую армяно-халкидонитскую традицию. Он заявляет, что “вероисповедание не имеет с языком ничего общего” (рец. с. 118), не замечает, что исследовательница называет армян-халкидонитов не грекофонами, а билингвами, считает изучение проблем социо-культурной истории “словоблудием” (рец. с. 116). Его возмущает, как и сорок лет назад (см. выше примеч. 1), сама возможность возвращения к “Повествованию” и т.д., и т.п.

Рецензируемая монография – важный этап в творчестве В.А. Арутюновой-Фиданян. Ее книга продолжает и развивает ее многолетние исследования, является ценным вкладом в арменистику и византиноведение. Автор обнаруживает новые, неизученные явления и выдвигает ряд гипотез, среди которых наиболее интересны и значимы: концепция синтезной контактной зоны, концепция генезиса и становления ранней православной армянской общины, а также аллологические находки при исследовании “образа Византии” в армянской историографии VII в.

Основным достижением В.А. Арутюновой-Фиданян я считаю раздел, посвященный генезису и характеристикам армянской православной общины VI–VII вв. Выдвинутая автором гипотеза о написании “Повествования” в среде армян-халкидонитов на греческом языке представляется весьма возможной, ибо мы располагаем типологической параллелью: двумя агиографическими сочинениями IX–X вв. на древнегрузинском языке, созданными в среде грузиноязычных армян-халкидонитов⁷. Поэтому игнорирование роли и значения халкидонитства в Армении приводило и приводит к исключению из исторического наследия армянского народа целого ряда литературных культовых памятников, как и некоторых образцов книжной и стенной живописи, особенно в более поздний период (XI–XIII вв.). Проблема истории халкидонитства в Армении – это комплекс вопросов историко-культурного характера, а не догматические споры вокруг естества Христова, как может показаться традиционно настроенному и плохо разбирающемуся в средневековой идеологии критику.

П.М. Мурадян

Избранные новеллы Юстиниана / Вводная статья, перевод и комментарий В.А. Сметанина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 340 с.

Работа, название которой звучит несколько необычно для научной публикации, представляет собой перевод тринадцати новелл императора Юстиниана I и серию очерков о проблемах византийской истории и культуры. В данной книге, являющейся результатом многолетней работы профессора В.А. Сметанина, необычным оказывается не только ее название, но отчасти и ее содержание. Прежде всего, автор так и не объяснил принцип отбора “избран-

И, очевидно, в данной связи Р. Бартикян припоминает, что и “Типик” Пакуриана перевел он. Правда заключается в том, что много лет назад Р. Бартикян был назначен научным руководителем В.А. Арутюновой-Фиданян, но дал ей недиссертательную тему, и тему для кандидатской диссертации “Типик Григория Пакуриана” ей предложил я. Участие Р. Бартикяна в подготовке диссертации ограничилось замечаниями по переводу. И спустя три десятилетия после публикации ее книги “Типик Григория Пакуриана” ее бывший научный руководитель заявляет, что он перевел этот источник (хотя и не претендует на исследование). И опять он путается: сначала он говорит, что перевел “Типик” по просьбе В.А. Арутюновой-Фиданян, а через несколько строчек утверждает, что она приватизировала его интеллектуальную собственность без его согласия. У меня есть все основания не доверять словам Р. Бартикяна, поскольку я присутствовал и на защите кандидатской диссертации (1968), и на обсуждении ее книги на заседании Ученого совета Института истории АН Армении (1975). Тогда Р. Бартикян еще не знал, что он перевел “Типик” (кстати сказать, перевода Р. Бартикяна “Типика” на русский язык, во всяком случае изданного, не существует).

Он утверждает также, что я являюсь переводчиком древнеармянских текстов для В.А. Арутюновой-Фиданян и даже будто бы сообщил ему об этом (рец. с. 117), а я никогда не говорил и не мог говорить этого. Все это плод воображения рецензента. Исследовательница – компетентный источниковед, и поэтому переводчик (с древнеармянского или новоармянского) в моем лице ей не нужен. Статья Р. Бартикяна, лишенная не только доказательности, но и добропорядочности, удивительным образом отличается от его прежних работ (так, к примеру, в статье “О византийской аристократической семье Гаврас” он ссылается на “Типик” Григория Пакуриана как на ее исследование, см.: ИФЖ. 1987. № 4. С. 188).

⁷ Мурадян П.М. Два несохранившихся в армянском оригинале агиографических памятника // Вестник Матенадарана. 1977. Т. 12. С. 163–190 (на арм. яз.).